

Глава VI

В гостях у поэтов

Отчего люди пишут стихи?

Великие поэты пишут от Бога, и с этим, кажется, все ясно. Нечего разбираться и выяснять. Но вот отчего пишут стихи поэты невеликие? Что движет ими, когда они сидят и рифмуют строчки? Или не сидят, а ходят-бродят вокруг дома, дерева или скамейки в парке, потом хватаются за карандаш и... стихотворение готово. А иной поэт любит сочинять на природе. Например, в лесу. Идет и видит – гриб! И вот уже буквы складываются в слова, слова в строчки. Бывает, человек творит на своем рабочем месте. Поработает-поработает и напишет что-нибудь. Про ту же работу. Один мой знакомый любил писать стихи в городском транспорте. В час пик. Втиснется в троллейбус или трамвай, приспособится кое-как и пишет. Потенциальные читатели толкают его локтями, а он от этого такое выдает! Я не помню точно, но стихи получались хорошие: про вселенную и бесконечность. Особенно радовало, что они были короткими. Еще пишут стихи от тяжелой жизни, невыносимой обстановки и окружающей социальной несправедливости. Иной, увидав таковую, лишь выругается или, хуже того, сделает вид, что не заметил, а поэт постоит, подумает, достанет блокнот и сочинит какую-нибудь драму, обнажающую пороки общества и власти.

Но, бесспорно, самым сильным чувством, вызывающим желание писать стихи, является любовь. Уже, кажется, все написали про нее за тысячи лет, и нет ничего такого, что выглядело бы оригинальным, а все равно про любовь пишут, пишут, пишут...

Но вот стихи написаны, перепечатаны на пишущей машинке под копирку в пяти экземплярах. Что дальше? Куда их нести? Кому

доверить сокровенное? С кем поделиться болью или радостью? Это директора спиртзавода чувствуют и понимают при жизни. А поэт, для лучшего понимания, должен сперва умереть. И лучше, если трагически. При жизни кому поэт нужен? Разве что таким же, как и сам, поэтам, которые выслушают и доброе слово скажут.

Так появляются творческие объединения из сочиняющих стихи и прозу. Им вместе становится хорошо, весело, и нет в России такого уголка, где не существовало бы подобное сообщество. Возьмите какой-нибудь российский городок, наугад, поезжайте туда и обязательно встретите там поэтов, собирающихся раз в неделю, читающих друг другу стихи, поющих под гитару и обсуждающих состояние поэзии.

– А чего это все возятся с Бродским? Есть ведь поэты покрепче, – утверждает уверенно один из участников литвстречи.

– Кто же это, «покрепче»? – с укором спрашивает другой.

– Тот же Коля Рубцов, Царство ему Небесное, пожалуй, посильнее писал, – отвечает первый.

– Зачем же их лбами сталкивать? И тот наш, и этот наш, – старается аргументировать третий участник.

– Вот именно, «ваш», а Коля все-таки наш, – спокойно, чуть даже распевно, с характерным *оканьем*, заканчивает спор первый. После этого переходят к другой теме.

Но если даже в каждом заштатном городке есть поэты, то что говорить о древней тверской земле, столь восприимчивой ко всякого рода душевным проявлениям, вдоль и поперек изъезженной известными поэтами, писателями, музыкантами и другими творческими личностями. Да что другими – самим Александром Сергеевичем Пушкиным! Всего лишь два века назад, и даже меньше того. Да здесь, в этих чудных местах, на берегах Волги или Тверцы, просто невозможно не писать стихи. Тут живешь и сам не замечаешь, как стал поэтом. Вот отчего захотелось проникнуть в эту неведомую мне поэтическую среду именно на тверской земле, причем непременно в Торжке, где, мне кажется, мог бы находиться один из центров современного российского стихосложения.

Возьмите «Новоторжский вестник» и увидите, что нет номера, в котором бы не было стихов. И каких! Вот, например, накануне дня рождения А.С.Пушкина коллектив Высоковского филиала САО «Росгосстрах-Тверь» поздравляет Нину Алексеевну Ершову из деревни Тредубье:

*Что пожелать тебе нам в этот день?
Работа есть, забот хватает.
Пусть всех невзгод косая тень
Тебя совсем не задевает.
И пожелать хотим еще
Здоровья крепкого, удачи,
Улыбок радостных вокруг
И счастья в жизни – не иначе.
Быть выше мелочных обид
И, даже если будет больно,
Всегда стараться делать вид,
Что в жизни всем всегда довольна.*

Искал я на очень подробной карте Тредубье, где живет Нина Алексеевна, все глаза проглядел да так этого села и не нашел. Представляете, села на карте не найти, а стихи – вон какие!

Но то было поздравление от коллектива, официальное. А рядом с ним – частное, сугубо личное: сын, сноха и внуки поздравляют Полину Федотовну Дормидонтову из села Арпачево:

*Дорогая мама!
Желаем радости и счастья,
Здоровья крепкого – вдвойне.
Желаем самого простого –
Пожить подольше на земле.*

А ну, попробуйте отыскать на карте Арпачево!

Так вот, сколько бы номеров главной торжокской газеты я ни просматривал, почти в каждом – стихи.

Конечно, какой-нибудь эстет упрекнет меня, мол, это не настоящая поэзия, а стихоплётство, призовет не путать божий дар с яичницей и тому подобное... А мне такие стихи нравятся! И тем, кому они адресованы, – тоже. Помню, в конце семидесятых я некоторое время работал плотником-бетонщиком в каком-то поселке под Сургутом, так, поверьте, яичница там была божьим даром!..

Известный поэт сказал однажды о себе и товарищах по цеху: *«Поэт в России – больше, чем поэт»*. Не станем спорить. Скорее всего, это действительно так. Но задать бы вопрос: *«А кто у нас, в России, не поэт?»* И выяснится, что непоэтов у нас нет. Уж на что Сталин был извергом, а тоже баловался. Хрущева как-то спросили, писал ли Сталин стихи, и Никита Сергеевич, как всегда, не задумываясь, ответил: *«Писал, писал! И триппером болел!..»*

Итак, из Училища художественной вышивки я направился к стоящему неподалеку пятиэтажному общежитию, на встречу с торжокскими поэтами.

Литобъединение «Тверца» занимает комнату на четвертом этаже. Само общежитие описывать не стану, потому что каждый может себе представить, что значит у нас «жить сообща». Бросились в глаза только дико орущие дети разного возраста, сносимые со всех этажей на первый полиэтиленовые мешки с мусором да еще пожилая вахтерша посреди всего этого. Комната литобъединения тоже ничего необычного не представляет. Простые коричневатого цвета обои, такая же обычная, из четырех лампочек, люстра, при этом одна из лампочек не горит. На одной стене висят три небольших портрета: в центре – Пушкин, слева от него – Есенин, справа – Блок. Рядом – несколько акварелей с видами Торжка. Стена напротив увешана неким подобием стенгазеты, со стихами, шуточными посвящениями и рисунками, содержание которых я, к сожалению, не припомню. Но по названию стенгазеты – *«Копытом Пегасов!»* – можно предположить, что она имеет отношение к литературной критике. На этой же стене висит живописный портрет Высоцкого с гитарой и пробегающим у него за спиной табуном воспетых им лошадей. Посреди

комнаты – большой квадратный стол, за которым уже собрались поэты. На столе, покрытом цветастой полиэтиленовой скатертью, – самовар, чашки и блюдца, сахарный песок, на двух тарелках аккуратно уложены крупно нарезанные помидоры и огурцы; кроме того, на столе печенье, сухари, конфеты-карамель, несколько сортов варенья и еще пирог, испеченный специально к нашей встрече. Кто-то принес большую кастрюлю с только что приготовленным пловом, правда несколько необычным, так как вместо кусочков мяса поверх горки риса лежала неестественно большая куриная нога. Сразу же оговорюсь, что за время нашей беседы никто к этой еде не притронулся. Поэты не пили даже чай.

– Вот закончим работать, – сказал строго руководитель объединения, обращаясь к коллегам, – тогда пожалуйста.

И все согласились.

После знакомства с участниками встречи я сообщил о намерении поближе познакомиться с жизнью и творчеством поэтов российской провинции, попросил рассказать о том, что движет ими при написании стихов, и, вообще, предложил душевно поговорить.

Кроме того, я сказал торжокским литераторам, что хочу написать статью в центральную газету.

– У вас, – сообщил я, – не должно быть секретов от читателей, которые хотят знать, что движет сегодня творческими людьми, в частности поэтами, о чем они думают, откуда черпают вдохновение, и вообще, чем живут.

Первой, к кому я обратился, оказалась Людмила Павловна Толмачева. Она уже на пенсии. До этого тридцать пять лет проработала в туберкулезном санатории, где было не до стихов. В Торжок приехала из Таджикистана, и здесь, на тверской земле, ее так тепло приняли, что «как-то рифмы сами стали посещать». До этого она никогда не то что стихов, двух слов зарифмовать не могла, двух строчек сочинить, а сюда попала – и, как она говорит, «полилось, полилось...». Уже около пятидесяти стихов написала!

– Как получается? По-разному. Вот вы сегодня были на празднике и в разговоре с людьми назвали наш Торжок «жемчужиной тверского края». Я там была, услышала, и у меня сразу все в душе зашевелилось, завертелось и...

– Я назвал?! – недоуменно прервал я рассказ поэтессы.
– Вы! Вы! Так и сказали: «жемчужина тверского края».
– Да я такого не говорил... Как я мог такое сказать? В моем «словаре» и слов-то таких нет. (И ведь, правда, нет!)

– Как же не говорили, когда сказали, – настаивала Людмила Павловна. – У меня все записано в блокноте. Дословно. И эти ваши слова послужили толчком к стихотворению. Послушайте.

И Людмила Павловна, очень выразительно, с нескрываемой радостью и блеском в глазах, прочитала стихотворение:

*Торжок – необычайная земля,
Жемчужина тверского края.
Чудесна в Василёве радуга была,
Из песен и умельцев восхищая.
На празднике дух Пушкина витал,
Его бессмертье утверждая,
Народ в восторге ликовал,
Сердца и души наслаждая.*

– Ну как? – добродушно посмотрела мне в глаза Людмила Павловна.

– Очень хорошо, только вот никак не вспомню, чтобы я так говорил, – ответил я, все еще недоумевая.

– Ну тогда откуда я могла такое взять? – чуть посерьезнела моя собеседница. – Или вы, может, не согласны, что Торжок – жемчужина тверского края?

– Да что вы, конечно согласен, – быстро ответил я.

– А раз согласны – значит, говорили, – улыбаясь, заключила Людмила Павловна, и вопрос об источнике вдохновения был закрыт.

«А может, действительно я сказал что-нибудь в этом роде? Мало ли чего можно наговорить в перевозбужденном состоянии. Вот ведь: сказал и забыл, а чуткий слух поэта мои слова не пропустил», – с этими приятными мыслями я обратился к другому торжокскому поэту, Василию Рысенкову.

Это имя известно в творческой среде Торжка, потому что Василий, как и его брат Михаил, часто публикует свои стихи в местной газете. Кроме того, братья-близнецы – постоянные участники литературных встреч, на которых читают стихи, а Михаил их еще и поет. Родились братья в 1966 году. Вместе учились в школе села Берново Старицкого района Тверской области, а в тех местах до сегодняшнего дня живут рассказы и легенды о приездах А.С.Пушкина, передаваемые от поколения к поколению.

И конечно же, эти легенды сопровождали детство будущих поэтов. Вероятно, отсюда многие мотивы их творчества. Оба закончили

Тверской сельскохозяйственный институт и получили специальность агронома. Но если Михаил с деревней не расстался, став фермером, то Василий свою жизнь изменил круто. Он уже три года преподает литературу в Торжокском политехническом колледже. На мой вопрос о том, что он читает, Василий ответил, что помимо классики, которую перечитывает по роду деятельности,

читает в основном литературу Серебряного века, в частности, так называемое *новокрестьянское* направление, то, что сейчас совсем не в моде. По словам Василия, он прочитал все, что только было у нас издано.

– Вот недавно, – рассказывает Василий, – прочел Клычкова «Князь мира» и «Чертухинский балакирь». Замечательные, оригинальные вещи, и вообще, это направление стоит особняком в нашей русской литературе. Мало исследований, имена почти забыты. Кто сейчас помнит Сергея Антоновича Клычкова? Его читать без

словаря обычный человек уже не сможет, а мне все, о чем он пишет, близко и интересно. Но говорить мне вам об этом трудно, потому что вы этой литературы не читали, – не упустил возможности пристыдить меня Василий, после чего продолжил:

– Клычков – крестьянский писатель, а крестьянство у нас ликвидировано и как класс, и как состояние души. Вместе с этим уничтожена и вся крестьянская культура. Как ее поднять? И как понять, если даже понимать некому? У меня, видимо, в генах что-то крестьянское сохранилось. «Серебряный век» одно время был в моде, но и тогда крестьянское направление осталось незамеченным. А ведь там есть интереснейший поэт – Клюев. Он был одним из самых образованных людей своего времени, а изображал эдакого полуграмотного простачка «из народа». Сам же знал несколько языков... Давайте я лучше прочту что-нибудь из своего нового, хотя после Людмилы Павловны это непросто.

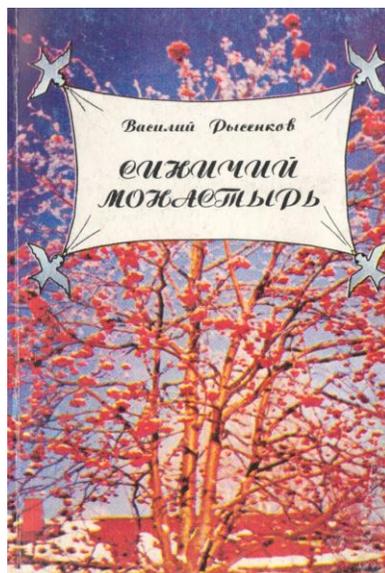
Выдержав паузу, Василий прочел свое новое стихотворение:

*Глотать этот воздух, привычный, свой, –
Последняя божья милость.
Пусть солнце отрубленной головой
С небесной плахи скатилось.
И кажется: нет никакой судьбы
За тысячей лет, я знаю,
Лежит неподвижный тяжелый быт
И мягкая тьма ночная.
Есть радость измученных за день рук,
И мятный вечерний ветер,
И сети, что в травах плетет паук, –
Росисто-искристые сети.
Все это так странно и так старо,
Как детство, как печь и вьюга.
В крушинной тиши заблудился народ
И бродит впотьмах по кругу.
И ловит былую мечту легко,
Векам поднимая веки,
За душной агонией огоньков*

*Немыслимой дискотеки.
Звезда упадет. Зазвенит ведро.
И птица вскричит ночная.
В трех старых соснах заблудился народ,
А выход лишь небо знает.*

После этих грустных стихов вновь наступила пауза...

Затем разговор продолжил Николай Богомолов. Ему сорок лет, родился в Волгограде, сейчас работает младшим инспектором (охраняет больницу) и учится заочно в Московском юридическом институте. Вопросов моих очень смущается и, вообще, он человек тихий, робкий, слова из него не вытянешь. Лучше, говорит, прочту несколько коротких стихов. Вот одно из них:

*Что в этом мире для всех для нас
главное:
Деньги? женитьба? работа? покой?
Бьёт родничок своей долюшкой славною,
Чтобы разлиться рекой.
В вечной погоне за благом – “избранники”,
Грезится суетным мнимый покой,
А где-то рядом есть странные странники:
Грудь они крестят счастливой рукой.
Может, им чудится тайна заветная...
Многими тайнами славится Русь.
Слышится музыка светлая, светлая,
К звукам небесным всем сердцем влекусь!..*

– Все-таки зачем вы, Николай, пишете стихи? Что вас, младшего инспектора охраны госучреждения и будущего юриста, подвигает на такое лирическое сочинительство? – спросил я поэта.

Николай призадумался.

– Ну, как сказать... Среди такой прозы живем... Есть стремление к чему-то высокому. Мы ведь с чем сталкиваемся? С нелюбимой работой, с неудобствами в жизни, с грубостью и хамством, да что перечислять... Я получаю удовольствие от того, что пишу стихи, и таким образом вовлекаюсь во что-то высокое...

Следующим, к кому я обратился, был торжокский поэт Николай Алексеевич Матвеев.

– Я прочту стихотворение, которое называется «Прутня». Вы же знаете, что у нас здесь, неподалеку, в Прутне, есть церквушка, а рядом похоронена Анна Петровна Керн. (*Николай Алексеевич произнес: «Кэрн» – авт.*) Я там, конечно, бывал неоднократно, и как-то у меня само собою родилось такое стихотворение:

*Надгробный камень на могиле,
На нем бессмертные слова
Вы написали Анне милой,
Когда она была жива.
То, чем сердце трепетало,
Хранили от молвы людской.
И Прутня над Тверцою встала
Утратой горькою такой.*

– О какой это вы «горькой утрате»? Она ведь умерла спустя много лет после смерти Пушкина? – попытался выяснить я причину поэтической грусти.

– Как «о какой утрате»? Пушкин сказал о Кэрн: «*гений чистой красоты*». А какие письма ей писал! В них столько искренней любви, а тут – её могила, ушедший от нас мир пушкинских чувств... Очень грустно становится, когда там побываешь...

Николай Алексеевич пенсионер, но продолжает работать, инженером на автотранспортном предприятии. В отличие от присутствующих, он в пиджаке и при галстуке. В мир поэзии пришел из Вооруженных сил, которым отдал многие годы. Кроме Пушкина, любит Льва Толстого. Когда приходит вдохновение и есть свободное

время, Николай Алексеевич пишет стихи, и некоторые из них даже опубликованы в поэтических сборниках.

Коллега Николая Алексеевича по творческому цеху – Владимир Целунов – просто взял гитару и спел песню, сочиненную, как он выразился, «одной женщиной».

*Жизнь пролетает, как лето,
И накануне зимы
Я, холодея, вспомню про этот
День, когда встретились мы.
Мир этот тайный, чудесный,
Каждая встреча, как знак.
Волею божьей – жизнь это песня,
Как пропоешь ее, как?*

Действительно, как? Как торжокские поэты пишут стихи и где они их пишут?

Вот что ответила Наталья Смехачева:

– Стихи пишутся везде: по дороге в школу, из школы, иногда даже на уроке.

Наталья – учитель истории в Училище художественной вышивки, где мы уже побывали. Родилась и выросла в Торжке. Окончила Тверской университет. Живет в небольшой типовой двухкомнатной квартире с двумя дочерьми (одна из них, Марина, присутствует здесь же) и бабушкой, которой девяносто два!

– Как, «на уроке»? – удивился я. – Сидят ученики, учительница рассказывает о вторжении Тохтамыша или о каком-нибудь восстании... и вдруг – у нее родились стихи.

– Да! Бывает и так.

– Вы учеников сразу же отпускаете на перемену?

– Бывает, что ждешь конца урока, а иной раз ученики говорят: «Наталья Алексеевна, вы запишите строчку, а мы тут тихонько посидим...»

– То есть идут навстречу... А как реагирует директор? – любопытствовал я.

– Так ведь у нас школа не простая. У нас Училище золотного шитья. Любое творчество приветствуется.

Далее я продолжил очень нелюбимую поэтами тему материального существования и даже, набравшись смелости, спросил, что поэты едят по утрам, когда собираются на работу.

Наталья глубоко вздохнула:

– Второй ставки в этом году в училище нет. Придется её искать в другом месте, а это значит – будет беготня. Чтобы зарабатывать триста сорок тысяч в месяц, надо отработать семьсот двадцать часов в год, а у меня получается только пятьсот.³ Просыпаюсь в шесть утра, без будильника. Ухожу раньше всех на работу, потому что в училище надо быть к восьми часам. Выхожу в семь, чтобы добраться. До училища минут сорок пешком...

– А почему пешком?

– Потому что в автобус можно и не сесть. Он битком набит. А иногда потому, что карман пустой. Бывает, и этой тысячи нет. Тысяча туда, тысяча обратно... В месяц набегает много. Лучше уж пешком. А что едим? Макароны, картошка, каша, молоко. Мясо, скажем прямо, бывает редко. Дом наш держится на всех понемногу. Моя бабушка получает пенсию, мама практически тоже с нами живет, только ночевать уходит к себе, а иногда и у нас остается. В доме – одни женщины. Так и живем, еще и стихи пишем. Это же потрясающая вещь! Утром иногда завтракаю, иногда нет, выбегаю из подъезда и по дороге что-нибудь вслух произнесу. Фета, например: *«Шепот, робкое дыханье, трели соловья...»* – все! У меня потом целый день хорошее настроение. Я себя стихами защищаю.

– Какие мечты? Планы? – спросил я Наталью.

– Что касается меня... Мне сорок три, так что уже «мечтов» нет никаких.

– Как, в сорок три года и не иметь мечты! – удивился я.

---

³ В 1998 году столь желанные преподавателю истории 340 тысяч рублей эквивалентны нынешним 1 800 рублям.

– С такой зарплатой какие мечты? Надо детей как-то выучить, хоть что-то им дать.

– Покупаете ли книги?

– На книги денег не хватает. Но если появляются, то одежде и туфлям я предпочитаю книги. Отказать себе не могу, особенно если это стихи, да к тому же хорошо изданы. Что поделаешь, чудачки мы, наверно.

– Наверно, – согласился я.

Спустя некоторое время после беседы, Наталья Смехачева, по моей просьбе, прислала автобиографическую записку и стихотворение «Первое сентября»:

«Люблю писать сказки, легенды, баллады в стихах. Люблю русскую классику, поэзию “Серебряного века”, ирано-таджикскую поэзию (особенно нравится поэма Фирдоуси “Шахнаме”), китайскую древнюю и средневековую поэзию (Ли Бо, Ду Фу, Су Ши, особенно нравится Гао Ци), люблю музыку, зиму, осень и дождь, Тверцу во все времена года, свою школу, своих учениц,

друзей, люблю книги и долгие прогулки, колокольный звон в утренней тишине...

...Я богатый человек – у меня есть две дочери и мама, есть бабушка, есть стихи, наше поэтическое братство, есть город Торжок, на который до сих пор не могу наглядеться, хрустальные лесные родники и синие стрекозы, для меня до сих пор живы мои отец и дед, солнечная деревня на краю ржаного поля...»

*Бросил август в холодных росах
Перламутровый плащ тумана,
И мерцает светло и странно
Серебристый медовый воздух.
Грустью русских далеких былей
Монастырь над Тверцою зябнет.
Золоченость церковных шпилей
Над улыбками сонных яблонь.
Пахнет утро зеленым луком,
Георгинами и помадой.
Мы, смеясь, бежим друг за другом
Облетающим, мокрым садом.
Невесомость речей, одежды,
Церемонность больших букетов...
А с этюдов сияет лето
Солнцем, юностью и надеждой!..*

«Юность и надежда» – это прежде всего две дочери. Одна из них, восемнадцатилетняя Марина, довольно стеснительная, сидит рядом. Она в белой шелковой блузке, в ушах – большие, со множеством камешков, серьги, а еще большое кольцо на шее, как это носят топ-модели на подиуме. Только у моделей украшения настоящие и дорогостоящие.

Марина, как следует из рассказа ее мамы, тоже пишет стихи. Некоторые из них были опубликованы в тверских журналах и даже в одном московском. Кроме того, Марина играет в рок-ансамбле на клавишных и изучает английский язык, надеясь в будущем найти хорошую работу. Ее любимый писатель Михаил Булгаков, а поэт –

Николай Гумилев. Несмотря на молодость и то, что ее мама столь жизнерадостна, Марина выглядит грустной, даже печальной. На вопрос – почему? – ответила: «Жить неинтересно. Нет ничего настоящего, на чем стоит остановиться. Отсюда и стихи такие».

*Я не знаю, что такое лето,
Ты не знаешь, что такое счастье.
Плавятся над городом рассветы,
Разрывая душу мне на части.
Плавятся над городом рассветы,
Ночь уходит мягкими шагами.
Каплями дождя текут ответы
На вопросы, заданные нами.
Каплями дождя текут ответы,
Отражаясь в зеркале Фортуны.
И вдали, за радугою где-то,
Нам звучат серебряные струны.
И вдали, за радугою где-то,
Места нет обману и ненастью.
Я не знаю, что такое лето.
Ты не знаешь, что такое счастье.*

Такие же печальные и другие стихи Марины.

Еще одна поэтесса – Татьяна Большакова. Она родилась в 1946 году, и детство провела на Крайнем Севере, где тогда работали ее родители. Много ездила по стране: северная Обь, верховья Камы, Кузбасс, Подмосковье... Работала наборщиком и печатником в небольших районных типографиях, литсотрудником в районной газете, сельским библиотекарем, ткачихой и даже служила в армии. Татьяна Павловна закончила Литературный институт им.Горького. Печаталась в газетах, альманахах, сборниках. Сейчас работает в музее.

– Люблю много ездить, особенно в деревни, ведь каждая поездка дарит интересных людей, судьбы которых входят в мои стихи. Почти все стихи написаны от первого лица, каждое имеет

прототип, а то и несколько. Но главная тема – извечная женская доля: нянчить, провожать, ждать...

Но стихи, которые Татьяна Павловна прочитала, оказались не про «женскую долю».

*На восход Ярилы молились.
Жили весело и убого.
И – своих богов не хватило –
поклонились чужому Богу.*

*Он явился, раскинув руки,
словно сразу всех обнимая:
и за вас, мол, Я принял муки,
и земля Мне – ваша – родная...*

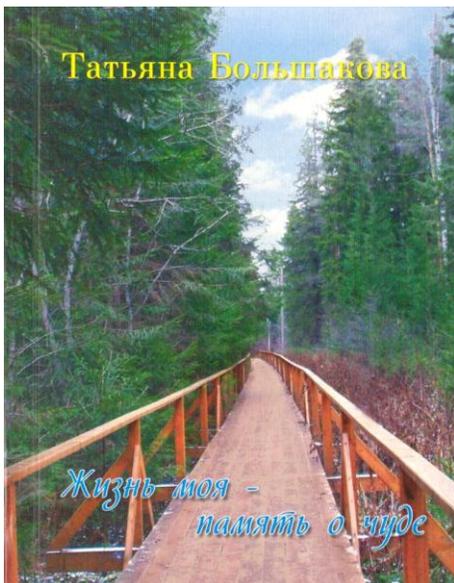
*Жили весело и убого.
Светлоглазы, легки, упрямы.
Чтоб не мерз – чай, южанин! –
Богу возводили хоромы-храмы.*

*Налетали с востока орды
и с заката – в латах крыжатых.
Гибли люди в огне без счета.
Вместе с ними горел Распятый.*

*Но – сквозь пепел – весенней вестью –
светлоглазы, легки, упрямы –
поднимали грады и веси,
начиная с Божьего храма.*

Татьяна Павловна коротко пострижена, на лице нет макияжа, одета в темно-синее с ромашками ситцевое платье, на плечах белый искусно выстроченный платок, серьги из янтаря и такие же янтарные бусы.

– Что значит для вас религия? И как вы считаете, Россия религиозная страна или все же атеистическая? – спросил я Татьяну Павловну.

– Один умный человек сказал: религия – это когда вера человека соединяется с его делами. Россия очень религиозная страна. Я работаю в музее, и у меня есть возможность ездить с этнографами по деревням, видаться и разговаривать с разными людьми. И тогда чувствуешь, что корни наши в глубокой религиозности. Христианство пришло к нам не на пустое место. У нас уже была религия, и она была светлой – потому-то Русь и приняла именно христианство. Сейчас

люди многое забыли, но все же тянутся к Богу. Посмотрите, у нас в Торжке две церкви восстановлены руками людей, на свои деньги. Это наша Дальняя Троица и церковь Иоанна Богослова на Богословском кладбище. И если бы в свое время женщины, далеко не молодые, не взялись восстанавливать эту церковь, у нас бы сейчас и монастыря в городе не было. Ведь монастырь возник потому, что основа его уже была, и монахам было куда прийти. Торжок наш стоит на очень намоленном месте. У нас из раскопок достают древние предметы XV, XIV, даже XII веков, и, когда к ним прикасаешься, чувствуешь тепло, вложенное теми, кто их создавал, кто ими пользовался. Это не исчезает бесследно – передается нам. По предмету чувствуешь, какой человек его делал.

– И я смогу почувствовать? – с сомнением спросил я.

– Не бывает таких, кто не почувствует... – голос Татьяны Павловны тихий, мягкий, певучий, совсем без напряжения.

– У нас в Торжке какое-то особенное соединение жизни и смерти, единство и близость живых с теми, кто от нас ушел. Это то, что в христианстве называется «жизнь после смерти». В нас живет

память многих поколений. В ком-то звучит громче, в ком-то – тише или пока молчит, но она есть. А ведь здесь еще и староверы имеются, те самые, с никоновских времен. Когда-то монастыри окружали Торжок, словно крепости. На восьми основных дорогах, проходящих через город, стояли восемь монастырей. Они были разобраны во время литовского нашествия. А вот Борисоглебский устоял и сейчас – в центре города.

– Ну а монахи, которые там живут, по сторонам не глядят? Ведь здесь столько всего... Соблазны, искушения...

– А им некогда. Они работают. Восстанавливают монастырь день и ночь. Работают руками, потому что монастырь очень старый, и если по совести, то надо строить новый. Но как, если каждый кирпичик – памятник и история. Ведь Борисоглебский монастырь ровесник Киево-Печерской лавре и Новгородскому Юрьевскому монастырю.

– Как по-вашему, Пушкин был религиозным? Успел открыть для себя Христа?

– Нам надо его внимательнее читать, и тогда такого вопроса не возникнет. Христос для Пушкина существовал всегда. Та вера, которая была в свое время преподана ребенку-Пушкину, была затем проверена уже взрослым человеком. В его произведениях, в письмах чувствуется глубокая религиозность. Если решал он что-то в своих религиозных поисках, то окончательно нашел после создания «Бориса Годунова». Помните, как он ликовал, окончив трагедию? И если у кого вопрос об отношении Пушкина к Христу возникает, то надо сто раз перечитать, как он прожил свои последние часы, как умирал, как прощался с женой, с детьми, с друзьями, с миром...

После этих слов Татьяна Павловна замолчала, словно ушла в себя. Затихли и остальные, видимо, мысленно перенесли в последние январские дни 1837 года в Санкт-Петербург, на Мойку 12, где, окруженный ближайшими друзьями, умирал смертельно раненый Пушкин...

Из письма П.А.Вяземского к А.Я.Булгакову: «Данзас, желая выведать, в каких чувствах умирает он к Геккерну, спросил его: не поручит ли он ему чего-нибудь в случае смерти касательно Геккерна? *“Требую, – отвечал он ему, – чтобы ты не мстил за мою смерть, прощаю ему и хочу умереть христианином”*».

Бывшие же с Ним, видя, к чему идет дело, сказали Ему: Господи! не ударить ли нам мечом? И один из них ударил раба первосвященникова, и отсек ему правое ухо. Тогда Иисус сказал: оставьте, довольно. И, коснувшись уха его, исцелил его. Лк.: 22.50-51.

Из письма Жуковского к Л.С.Пушкину: «Он мучился менее от боли, нежели от чрезмерной тоски: *“Ах! какая тоска! – иногда восклицал он, закидывая руки за голову. – Сердце изнывает!”*»

Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. Мф.: 26.38.

В.И.Даль: «Пушкин положительно отвергал утешения наши и на слова мои: *“Все мы надеемся, не отчаивайся и ты!”* – отвечал: *“Нет; мне здесь не житье; я умру, да видно уж так и надо!”*»

Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты. Мф.: 26.39.

Из письма А.И.Тургенева к А.И.Нефедьевой: «Теперь я опять входил к нему; он страдает, повторяя: *“Боже мой, боже мой! Что это!”* Сжимает кулаки в конвульсии».

Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? Мф.: 27.46.

И.Т.Спасский: «Незадолго до смерти ему захотелось морошки. Наскоро послали за этой ягодой. Он с большим нетерпением ее ожидал и несколько раз повторял: *“Морошки, морошки”*. Наконец, привезли морошку. *“Позовите жену, – сказал, – пусть она меня накормит”*. Он съел две-три ягодки, проглотил несколько ложечек соку морошки, сказал: *“Довольно”* и отослал жену...»

И тотчас побежал один из них, взял губку, наполнил уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить. Мф.: 27.48.

В.И.Даль: «Я, по просьбе его, взял его под мышки и приподнял повыше. Он, вдруг, будто проснувшись, быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал: *“Кончена жизнь”*. Я не дослышал и спросил тихо: *“Что кончено?”* – *“Жизнь кончена”*, ответил он внятно и положительно».

...совершилось! И, преклонив главу, предал дух. Ин.: 19.30.

Жуковский: «Минуты через две я спросил: *“Что он?”* – *“Кончилось”*, – отвечал мне Даль. Так тихо, так таинственно удалилась душа его. Мы долго стояли над ним молча, не шевелясь, не смея нарушить великого таинства смерти, которое свершилось перед нами во всей умильной святине своей.

Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти. Голова его несколько наклонилась; руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо! Это было не сон и не покой! Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также и выражение поэтическое! нет! какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовлетворенное знание. Всматриваясь в него, мне хотелось у него спросить: *“Что видишь,*

друг?” И что бы он отвечал мне, если бы мог на минуту воскреснуть? Вот минуты в жизни нашей, которые вполне достойны названия великих. В эту минуту, можно сказать, я видел самую смерть, божественно тайную, смерть без покрывала».

И еще одно воспоминание В.И.Даля: «Пушкин заставил всех присутствующих сдружиться с смертью, так спокойно он ожидал ее, так твердо был уверен, что последний час его ударил. Плетнев говорил: “Глядя на Пушкина, я в первый раз не боюсь смерти”».

Вернемся, после этих трагических, скорбных, но все же торжественных в своем величии часов и минут, обратно в Торжок, к нашим поэтам, за их гостеприимный стол.

Среди них своей внешностью выделяется Татьяна Мчедлишвили. Она – грузинка. Я спросил у нее о национализме: есть ли таковой в Торжке и если да, то в чем он выражается? Не беспокоят ли ее из-за внешности?

– Всю жизнь беспокоят... Наверное, так народ наш устроен. Не нравится ему моя внешность. В Грузии я почти не была. Только в детстве. Мы прожили там лишь полгода. Нас не приняли родственники, из-за того что мама у меня русская. С тех пор мы живем в Торжке. Но и здесь я часто сталкивалась с оскорбительным отношением к своей фамилии, к внешности. Это было и в школе, и в институте. Сейчас здесь вроде много лиц, как о нас говорят – «кавказской национальности», но все равно я испытываю на себе особое отношение. И в автобусе, и в магазине, и в больнице...

Вот стихотворение Татьяны – «Русская душа»:

*Грузинская фамилия.
Лицом в отца пошла.
Но родилась в России я.
Я – русская душа!*

*Хлеба кивают колосом
В моем родном краю.
Пою я – русским голосом
Про родину мою!*

*Нарушен ритм обычности, –
И, как кошмарный сон,
Людей кавказской личности
С земли российской – вон!*

*Куда же, братцы, милые,
Не зная языка?
Да разве у России
Поднимется рука?*

*Я уважаю Грузию,
Где даже есть родня.
Но там за душу русскую
Все проклянут меня!*

*Так, может, мне – в Америку?
Там принимают всех.
Да, у меня истерика –
Так не вводите ж в грех!*

*Кацап грузинской внешности,
Кто даст тебе приют?
России – не до нежности,
И в Грузии – не ждут.*

– Может, Татьяна, это какая-то мнительность?

– Какая же это мнительность. Прямо так и говорят. Еду в автобусе, а меня спрашивают: «Ты кто? Армянка?» Это когда была война в Нагорном Карабахе. Кажется, хотят выкинуть из автобуса. Или в больнице спрашивают: «Ты кто такая? Зачем сюда пришла?» Стою в гардеробе, хочу взять пальто, подаю номерок, а они мою руку отшвыривают и обслуживают других. Я оторопела, думаю, случайно, спрашиваю: «Почему вы не берете мой номерок?» А мне: «Езжай туда к себе и там возмущайся». Вот как! Мой отец уже умер, но я помню, сколько раз он приходил со слезами на глазах от того, что его оскорбляли, унижали, называли спекулянтом... Я себя в душе считаю истинно русской, по-грузински даже разговаривать не умею. Но в моих жилах течет и грузинская кровь, и, когда я смотрю грузинские танцы, слушаю песни – мне хочется запеть, но... я не знаю языка.

– Радуйтесь, что вы не негр, – как мог, успокаивал я Татьяну и вспомнил, как недавно встретил в Москве на одной из бензоколонок чернокожего парня, который там подрабатывал.

Он родом из Сенегала и был даже не черным, а, скорее, синим. Работал расторопно, добросовестно, был вежлив. По-русски говорил хорошо, и я спросил, не достают ли его наши люди? Парень ответил, что отношение к нему просто невыносимое. Такого, говорит, он нигде не встречал: оскорбляют, стараются унижить, посмеиваются, бывает, швыряют деньги прямо на землю... Но что поделаешь, он учится в институте, а денег на жизнь не хватает. Хозяин заправочной станции, как мне объяснили, большой любитель экзотики и с

удовольствием принял на работу чернокожего для привлечения клиентов. И действительно, как показала практика, клиентов прибавилось. Оказывается, среди нас много таких, которые любят, чтобы их обслуживали негры. У наших людей, вдруг, обнаруживается какая-то особая гордость за себя лично и за всю белую расу, преимущество которой они в этот момент ощущают. Так почему бы за те же деньги, что тратишь на других заправочных, не получить еще и удовольствие? Не случайно, у входа в некоторые московские рестораны и гостиницы стоят именно темнокожие. Мелочь, а нашему человеку приятно. И это в Москве, где, кажется, ко всему привыкли. А попади такой темнокожий в глубинку, в тот же Торжок...

Бывает, вдруг, человек захочет ощутить себя русским, украинцем или грузином. Не просто так, что называется, по паспорту, а в полном смысле этого слова. Вот как, например, Татьяне Мчедлишвили иной раз хочется по-грузински запеть. *(Голос песен*

грузинских приятен.) Ну так пой, если умеешь! Подбери песню, сочини, наконец, и спой. Или станцуй! Да так, чтобы не только твой, но и другие народы прислушались, присмотрелись и разделили твою любовь. Поймут песню или танец – поймут и всё остальное. Или, если ты украинец, что мешает идти по пути Тараса Шевченко?.. Но нет. Песни, танца или стиха здесь, оказывается, недостаточно.

А что мы, русские? Сколько раз на дню слышим: «великая страна», «мировая держава»... Чем подкрепляем мы эти самонадеянные и обольстительные словосочетания? Количеством боеголовок? Бескрайней, но уже сужающейся территорией? Историей нашей, в коей, действительно, много великого? Или воинственными предками, которые, жертвуя миллионами жизней, оставили непутевым своим потомкам могучее государство? А может, масштабами своих бед, которым и в самом деле трудно подыскать аналог? Почему же национальное самоутверждение человека или даже целого народа так часто происходит за счет унижения, оскорбления, растаптывания других? Почему на, казалось бы, очевидный вопрос до сих пор нет ответа, хотя уже тысячи лет об этом говорят, над этим думают, к этому равенству призывают мировые религии и мировые культуры? Отчего вновь и вновь заводится в человеке этот позорный червь ненависти, почему разъедает изнутри и не дает сосуществовать с *не такими*, как сам?

Скорее всего, от собственного ничтожества и дикости.

А если представить, что этот унижаемый и оскорбляемый сенегальский паренек чем-то привлечет русскую девушку, ту же кассиршу из автозаправочной (случается ведь подобное, и нередко!), они поженятся, затем появится на свет симпатичный ребенок, уже не совсем черный, а спустя двадцать лет и у него в свою очередь тоже будет ребенок, и вообразите, что он может оказаться талантливым, а то и вовсе гениальным, и, как знать, вдруг он нам такое выдаст, такое оставит после себя, что и спустя столетия потомки наши будут им восторгаться и называть нашим национальным достоянием. Или уже не было этого с нами?

«Смуглое лицо, африканские губы, белые крупные зубы, блестящие бакенбарды, мелкие кудри, темные глаза под высоким лбом...» – узнаете?!

*А я, повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный,
Взращенный в дикой простоте,
Любви не ведая страданий...*

Назовите, кто за всю историю нашу был более русским, чем он?! Кто еще сумел так выразить нас и так за всех нас, русских, сказать?!

Так кого же мы унижаем и оскорбляем? Кого гоним и почему так легко идем против рожна?

И вот здесь, в Торжке, за гостеприимным столом собрались поэты, и среди них – русская грузинка Татьяна. Ее самое светлое воспоминание – детство: три счастливых года, которые она провела в русской деревне Сорокино у «единственной и любимой» бабушки. И сегодняшние переживания Татьяны, ее бесконечные тревоги и печаль, как это бывает не только у поэтов, вызывают тоску и удивительные мечтания об ушедшем прошлом. Впрочем, для нее не ушедшем.

*Снова память вернет дорогу мне в старый дом.
Загорелое, босоное детство в нем.
Где котенок на солнце жмурится, грея бок.
Где вприпрыжку спешу на улицу, за порог.
Там, с глазами небесно-чистыми ото льна
И с колосьями золотистыми, есть Страна.
А в речушке волна игристая бьет хитро.
Из-под ног уплывает быстрое серебро.
И вкусны караваи хлебные из печи,
И блины золотисто-медные горячи.
Мед пчелиный – смолой яичною на столе...
Все там сказочно-необычное – в той Стране.*

Кто из нас хотя бы на миг не «убегал» в эту солнечную Страну от окружающих напастей? Кто не вспоминает при этом глаза своей бабушки – мудрой и доброй феи нашего детства, хранительницы духовной чистоты и добрых нравов, нередко единственной защитницы нашей, способной понять, выслушать, приласкать? Кому, как не своей бабушке, мы жаловались на то, что нам плохо, тревожно, неудобно? Перед кем еще мы так игриво хвастались и задавались, понимая, что бабушкам нашим и этого будет недостаточно – так глубока, беззаветна и даже эгоистична их любовь к нам. И ведь нашим бабушкам ничего не надо было от нас взамен. Ничего! Только бы мы были сыты, тепло одеты да не уходили далеко от дома. Вот и маленький Саша Пушкин, когда взрослые своими настойчивыми требованиями допекали и терпению приходил конец, убегал к бабушке – Марии Александровне Ганнибал. А домик няни в Михайловском или имение П.А.Осиповой-Вульф в Тригорском – не есть ли та самая Страна, где всегда ждали близкие сердцу люди и куда так стремился спрятаться беспокойный Пушкин?

Счастлив тот, кто сохранил для себя такую Страну, пусть в мечтах, в воспоминаниях, а с возрастом, увы, еще и в дорогих сердцу могилах, которые не каждый день навещаешь и о которых не всякий час думаешь...

Последним из поэтов заговорил руководитель объединения «Тверца» Василий Миронов, которого я, по нашим писанным и неписанным правилам, попросил подвести итог встречи.

– Ну какой может быть итог? – сказал Василий. – Не все поэты выглядели такими, какие они есть на самом деле. Некоторые хотели казаться большими, чем они есть, кто-то был более естественным, а кто-то много говорил вокруг да около... Но важно понять смысл нашего объединения. Сюда приходят филологи, музыканты, инженеры, которые только постигают азы поэзии. Сказать, что я живу лишь поэзией, нельзя, ведь я не большой поэт и не выдающийся писатель. Объединение нужно для того, чтобы я знал, для чего живу.

Работаю в сельском хозяйстве, где зарплату платят один раз в год. Поработав там неделю, один вечер провожу здесь, со своими товарищами, друзьями. И такой зарядки мне вполне хватает на следующую неделю.

– Кем же вы работаете? – спросил я Василия.

– Заведующим родильным отделением на ферме. И меня это нисколько не смущает. Многие спрашивают, как я до такой жизни докатился. Но мне это интересно. А когда я, например, езжу на транспорте, кто мне скажет, что я зачуханный колхозник?

И действительно, глядя на руководителя объединения «Тверца», так не скажешь. Василий Васильевич коренастый, с внимательным, даже пристальным взглядом. Его речь быстра, при том что он не выговаривает какие-то буквы. Отличительная черта Василия – развитое чувство юмора, необыкновенная самоирония, а также длинный нос, которому поэт даже посвятил одно из стихотворений.

– И кого, простите, вы там, на ферме, рожаете? – спросил я руководителя торжокских поэтов.

– Коров. И бычков, конечно, тоже. Меня воспитали так, что могу работать где угодно и кем угодно. Мой брат был и журналистом, и председателем колхоза, сам я был председателем сельсовета и, вообще, прошел через многое. Но эта работа помогает поддерживать больную маму: я работаю по ночам, а днем могу за ней ухаживать. Остальное время – для творчества. Рядом с коровами прекрасно пишется.

По словам Василия, объединение он возглавил вынужденно, после того как умер молодой поэт Владимир Струков, основатель и первый руководитель «Тверцы». Его фотография – на стене, на почетном месте. Никто за это дело браться не хотел, потому что, кроме хлопот, оно ничего не приносит. А Василий взялся и не жалеет. Пишет стихи, прозу, но более всего удаются пародии. Василий внимательно следит за поэтами, и не только за тверскими, и, поймав какой-нибудь поэтический перл, с азартом выстреливает по нему из

своего дальнего закутка. Вот одна из пародий на стихотворение московского поэта Павла Калины, в котором есть такие строки:

Лошадь кушала сено “хруп-хруп”.
Только пахло соляжкой,
Где живут молодой тракторист
С молодой дояркой.

.....
Был я сельский безвестный певец,
Но по прозвищу – Пушкин.

“Дорога на Парнас” (пародия)

*Воздух был по-весеннему чист,
Чудно пахло соляжкой.
Был папаня – лихой тракторист,
А маманя – дояркой.*

*Из крестьян я, как мать и отец,
С хохолком на макушке.
Был я сельский безвестный певец,
Но по прозвищу – Пушкин.*

*“Хруп да хруп”, – мерин сено рубил,
Я – овсяную кашу.
Пуще каши стихи я любил
И соседку Наташу.*

*Забирались в колхозный сарай
В травы лета.
Был я молод и глуп через край,
Стал поэтом.*

*Стал поэтом, хоть путь этот крут.
Дом родимый покинул.
Но в столице все так же зовут:
Павел Пушкин (Калина).*

– Торжок, конечно, город провинциальный, – говорит Василий, – но послушайте наших поэтов, наших поющих девушек, посмотрите на нашу Валентину Федоровну Кашкову, которая так великолепно говорит и пишет о Пушкине. Мы-то знаем, что Торжок никакой не заштатный город и мы – не последние поэты. Когда нас называют «самодеятельными», мы удивляемся. Как можно назвать самодеятельным поэтом того же Рысенкова или Татьяну Мchedлишвили? Это наши российские поэты!..

Я поблагодарил поэтов за искренний разговор, после чего все наконец-то стали пить чай и есть, что было на столе, в том числе и плов с огромной куриной ногой, которая, при известных обстоятельствах, выдержала бы на себе небольшую избушку. Сейчас же эту ногу все почему-то отказывались есть, конечно же, в мою пользу. Кто же все-таки готовил этот плов?

Оказывается, Людмила Павловна, с которой мы начали эту встречу! А она, если помните, приехала в Торжок из Таджикистана. Значит, это не «странный» плов, а разновидность восточного плова, его так и надо готовить: из курицы, с большущей лапой!

Поэты продолжали чаепитие, а я, сославшись на усталость и занятость, попрощался с ними и вышел на улицу. Было еще светло. В Тверском крае в июне ночи почти белые. Меня вышел проводить Василий Васильевич. Еще и поблагодарил меня за встречу...

Это вам спасибо, дорогие торжокские поэты, за то, что пустили меня к себе, напоили чаем, накормили пловом, а еще – за то, что доверились и целый вечер читали свои стихи, делились сокровенным. Я далек от поэзии и не могу судить о качестве ваших стихов, не решусь точно определить, кто пишет лучше, кто хуже, но могу сказать искренне: мне близки ваши мысли, ваши переживания и ваши тревоги. И если когда-нибудь выйдет томик современных торжокских поэтов, я его обязательно приобрету и хранить буду рядом с томами

Александра Сергеевича Пушкина. И он, и вы – наши добрые русские поэты.

Я возвращался в санаторий «Митино». Ехал по вечернему Торжку, как и накануне, медленно, уставший от впечатлений...

Вот ведь, что-то люди делают, как-то живут, и не хлебом единым: пишут стихи, вышивают золотом, что-то лепят, строгают, танцуют, поют, пишут книжки... и, посмотрите, всегда рядом с ними Пушкин.

Впрочем, почему «с ними»? Правильнее сказать – «с нами». Почему же все-таки к нему тянемся? Сами, без всякого подгона. Люди религиозные и, кажется, далекие от религии. Мы, конечно, несовершенны, хуже того – плохи. Но что было бы без него? И сам Пушкин, тоже был всяким, бывало, говорил и писал такое, что неловко читать. Но люди-то что помнят? Только доброе. Все недоброе, что было в Пушкине, не прижилось. Оно отбрасывается, безо всякой посторонней помощи. Вот он написал непристойность об Анне Керн в письме к Соболевскому. Это не тайна. Об этом знают.

Желающие блеснуть такими знаниями обязательно вам об этом напомнят. Ну и что? Сохранилось-то в памяти народной об Анне Петровне Керн только возвышенное и чистое. Вот что выбрано людьми и оставлено в памяти! Почему?

Наверное, потому, что с самого раннего детства, когда мы чисты, искренни и открыты, еще прежде всех учений и наставлений, мировоззрений и наук мы входим в Мир пушкинских сказок. И возвратиться, покинуть этот Мир уже нельзя. «Руслан и Людмила», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях»... Нас окружают не только герои этих сказок, но и пушкинский язык, его интонации, музыкальность, а главное – события, в которых добро непременно побеждает зло, и мы, пока дети, безоговорочно в это верим. Но вот чудо: вырастая, мы не оставляем этот Мир, но берем его с собою во взрослую жизнь! И вновь вопрос: почему? Почему не оставляем, хотя с годами сердце черствеет и память слабеет? Да потому, что вместе с этим пушкинским Миром нас окружают и те, кто нам этот Мир открыл, кто донес его до нас, кто нам, только-только делающим первые шаги, подарил его. Это значит, что вместе с пушкинскими сказками в нас звучат голоса наших родных и близких, их интонации, передается их тепло. Забыть это уже нельзя. Вот почему оставить пушкинский Мир сказок невозможно. Оставить его – значит забыть себя. С годами к сказкам присоединяются пушкинские стихи, его лирика, потом драматические поэмы, проза, наконец, письма, и все это ложится на уже подготовленную в детстве почву, наполняет ждущую все новых и новых свиданий душу, и уже кажется, что без этого жить нельзя.

Наверное, не столько Пушкин с нами, сколько мы с ним.